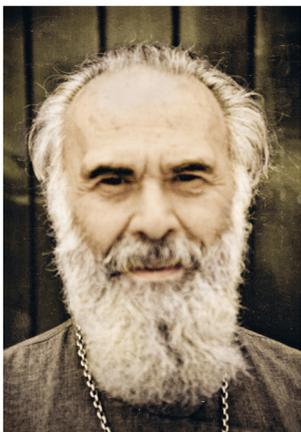

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

Уверенность в вещах невидимых

Последние беседы

Антоний Сурожский Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6110812

*Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001—2002): «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», Никея; М.; 2013
ISBN 978-5-90389-812-1, 978-5-91761-120-4*

Аннотация

Вниманию читателя предлагается перевод последней серии бесед, проведенных митрополитом Антонием Сурожским (1914–2003) в лондонском приходе на английском языке. В центре размышлений – тема веры в вещи невидимые, веры в Бога и связанные с этим сомнения и вопрошания современного человека, живущего после катастроф XX века и перед лицом новых вызовов века нынешнего. Текст печатается без сокращений с целью передать содержание бесед во всей их полноте. Читатель убедится, что повторы, неизбежные в беседах, продолжавшихся на протяжении девяти месяцев (с октября 2001 по июнь 2002 г.), в большинстве случаев не случайны, а необходимы. Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

От переводчика	5
1. Уверенность и вопрошание[1]	6
2. Свидетели жизни вечной[11]	11
3. Молитвы святых[14]	16
4. Божья любовь[18]	21
5. Метаистория [26]	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Антоний, митрополит Сурожский

Уверенность в вещах невидимых.

Последние беседы (2001–2002)

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

От переводчика

Митрополит Антоний Сурожский – одна из самых ярких личностей XX века. Его слово, предельно трезвое, обращенное к самым глубинным вопросам человека, и в то же время живое, открытое, вдохновенное, неизменно находит отклик у его многочисленных читателей, независимо от их убеждений, верований, образования или культурных корней. Его книги, проповеди, выступления на радио и телевидении, его лекции в университетах и семинариях, в больницах и школах широко известны в Англии, где проходило его служение, во Франции, США, Бельгии, Германии, Швеции и других странах, которые он посещал, будучи представителем РПЦ и экзархом МП в Западной Европе.

Вниманию читателя предлагается перевод последней серии бесед, которые вел митрополит Антоний в течение 2001–2002 гг. в лондонском приходе, где он настоятельствовал более сорока лет. Он выступал перед своей паствой, созданной, возвращенной и окормляемой им на протяжении полувека, поэтому неслучайна та атмосфера открытости, доверия и стремления к взаимопониманию, в которой проходили встречи.

По содержанию этот цикл бесед можно рассматривать как духовное завещание владыки. Митрополит Антоний свидетельствует словом и всем своим долгим жизненным опытом о необходимости самоотверженно, с непоколебимой верностью и честностью стоять перед Богом, не загораживаясь от Него своими несовершенными представлениями о Нем, о мире, о человеке, о себе. Беседы отличаются крайней сконцентрированностью мысли, лаконичностью, отточенностью формулировок. Каждое слово, даже порядок слов значимы. Читатель, уже знакомый с книгами владыки, заметит, что на этот раз он приводит гораздо меньше, чем обычно, притч, его яркая, самобытная индивидуальность, талант оратора как бы отступают, становятся прозрачными – весь он погружен в размышления о «вещах невидимых», отдан стремлению передать словами опыт, находящийся за пределами слов.

Уникальность этих бесед поставила перед переводчиком чрезвычайно сложную задачу. При работе над ними особое внимание уделялось крайне бережному отношению к тексту и максимально корректной (в пределах нашего понимания) передаче смысла. В переводе были сохранены стилистические приемы и шероховатости, присущие устной речи, сюжетные повторы, неизбежные в беседах, которые продолжались на протяжении девяти месяцев. Внимательный читатель убедится, что в большинстве случаев они не только неслучайны, но и необходимы.

Подготовка бесед к публикации велась под руководством опытных переводчиков текстов митрополита Антония Е. Л. и Т. Л. Майданович, с учетом редакторской правки М. Е. Уманцевой и критических замечаний Ф. де Грааф и А. И. Шмаиной-Великановой.

Е. Ю. Садовникова

1. Уверенность и вопрошание¹

В этой серии бесед мне хотелось бы поделиться тем, что накопилось у меня в сознании и на сердце за долгие годы, но я не уверен, как мне удастся это сделать. Поэтому я постараюсь говорить как можно яснее, а вы постарайтесь услышать за пределами слов, понять из глубины своего сердца, своего жизненного опыта то, что я пытаюсь донести.

Несколько лет тому назад мне предложили выступить на Би-би-си с беседой о вере, и когда я закончил свою беседу, человек, ответственный за передачу, сказал: «Отец Антоний, мы вас больше никогда не пригласим в наши религиозные передачи». Я спросил: «Что, моя беседа была безнадежно плохой?» Он ответил: «Нет, не в этом дело. Нам не нужна ваша уверенность. Нам нужны сомнения и вопросы».

И я думаю, мы живем в такое время, когда не только Би-би-си, не только люди неверующие, но и те, у кого есть вера – религиозная или философская, кто верит в жизнь, в истину, в человека, потрясены тем, что происходит. Я говорю сейчас не только об ужасе, который охватил Америку² и распространился по всему миру. Я говорю о постепенной утрате веры, о том, что все меньше людей приходит в Церковь, а в Церкви и вне ее возрастает число тех, кто ставит серьезные вопросы, пытливые вопросы о собственной вере и о вере, которую они унаследовали от родителей. Как можно верить в человека? Как можно верить во все то, что мы провозглашаем о Боге? Что такое вера? Мы переживаем момент, поворотный момент, к которому, я уверен, нам необходимо отнестись со всей серьезностью, потому что, осознанно или нет, весь мир переживает его. Что такое вера? Что такое сомнение? Что такое вопрошание? Можно ли утверждать, что ты искренне и честно веришь и в то же время ставить вещи под вопрос?

Можно ли считать себя верующим, то есть заявлять, что веришь в Бога, и говорить Ему: «Я Тебя не понимаю»? Много лет тому назад эти слова обратил к Богу Иов, столкнувшись с проблемами, которые поставила перед ним жизнь.

Тот же самый вопрос ставил не так давно, уже на моей памяти, старец Силуан³, который четырнадцать лет бился, пытаясь разрушить стену, отделявшую его от Бога, и в конце концов, когда его силы иссякли, когда его охватило отчаяние, он воскликнул: «Господи, Ты неумолим!» И в этот момент, как он пишет в одном из своих писем, в нем что-то прорвалось: рухнула последняя преграда, рухнула последняя надежда на человеческие силы, и он ощутил присутствие Христа. Христос стоял рядом. И старец Силуан пишет, что прочел в выражении Его глаз, во всем Его облике такую любовь, такое сострадание и милосердие, что никогда этого не забывал, и всю оставшуюся жизнь жил с сознанием присутствия Христова, которое стало неотделимым от него даже, когда он не ощущал его явно⁴.

Поэтому мне хотелось бы подчеркнуть: когда приходит сомнение, неуверенность, когда мы ставим под вопрос то, что раньше казалось простым и ясным, мы не согрешаем. Я чуть было не сказал: это наше право. Скажу больше: это – наш долг, право и долг, потому что Бог нас призвал быть Его друзьями: «Я уже не называю вас рабами, но друзьями, потому что раб не знает, что хочет его господин, а Я поделился с вами всем» (ср. Ин. 15:15). Это – смысл того, что Христос говорит в Евангелии. Он хочет, чтобы мы понимали, но Он не предполагает, что мы всегда будем все отчетливо видеть и понимать. И поэтому для нас бес-

---

¹ Беседа 4 октября 2001 г.

² Серия терактов, произошедших 11 сентября 2001 г. в США, унесла более 3000 жизней.

³ *Силуан Афонский* (в миру Семен Иванович Антонов; 1866–1938) – прп., старец, подвижник. Причислен к лику святых в 1988 г.

⁴ См.: *Иеромонах Софроний (Сахаров)*. Старец Силуан. Париж, 1952. С. 4.

конечно важно сознавать, что на каждом этапе жизни наша вера может быть совершенной с точки зрения достигнутой нами на сегодня духовной зрелости, но в то же время она неполна и несовершенна, если оценивать вчерашнюю веру с точки зрения сегодняшнего опыта или в конце жизни подводить итоги всего пройденного пути.

Я настаиваю на этой теме вопрошания и сомнения и при этом намеренно разграничиваю понятия «ставить под вопрос» и «ставить вопросы». Мы можем ставить вопросы в простоте, если готовы получить ответ и принять его, а можем ставить вещи под вопрос, поскольку до сих пор не получали исчерпывающих или удовлетворительных ответов. Это очень важно: мы должны быть честными перед Богом и перед собой. Богу нужно, чтобы Его окружали не легковверные люди, но люди, которые знают Его достаточно, чтобы доверять Ему порой за пределами своего ограниченного знания.

Откуда берется вера? Что такое вера? Веру можно понимать по-разному. С одной стороны, вера – это уверенность. Когда святые говорили о своей вере в Бога, они говорили о внутренней уверенности в том, что узнали о Боге, Которого встретили в глубинах своей души. Но у веры есть другие оттенки. Вера означает верность. Если мы верим, что наше знание о Боге и о нас самих – правда, что отношения, которые установились у нас с Ним однажды, подлинны, то все это должно стать основой нашей жизни, так же как если бы мы обрели друга: дружба нам приносит радость, но мы обязаны жить в ее меру. В сущности, вера означает быть достойным дружбы, которая дается и даруется безоглядно, щедро, порой дорогой ценой. Нам известно из человеческих отношений, что зачастую мы оказываемся неспособными жить в меру той дружбы, которую получили как драгоценный дар. Но наш друг от нас не отворачивается, он терпит, он остается нам верен, даже если мы колеблемся, даже если порой другие отношения, другие события влекут нас сильнее, чем та драгоценная дружба, которую мы однажды обрели. Чаще это бывает в отношениях между мужем и женой, между детьми и их родителями.

Вера, таким образом, – это *уверенность в невидимом* (Евр. 11:1), потому что встречу, произошедшую в глубине души, нельзя выразить словами, это – опытное переживание. Если говорить о природе веры, то я хотел бы отослать вас к отрывку из писаний святого Макария Египетского⁵, в котором он задается вопросом: с чего начинается вера? Вера, говорит он, не то же самое, что опыт, из которого она рождается. Мы можем пережить мгновенный опыт глубинного приобщения к человеку или Богу, но со временем он тускнеет. Что же остается? И святой Макарий дает образ, который мне кажется очень красивым и выразительным. Он говорит: представьте себе, вы плывете в лодке ночью по течению. Темная ночь, глубокое небо, полное ярких звезд, вы полностью погружаетесь в тишину и покой, воды несут вас. И вы ощущаете глубинное приобщение ко всему тому, что вас окружает, к тишине, к красоте, и чувствуете, как течение покачивает вас, как мать качает ребенка на руках. Но потом лодочка оказывается на песке, и какое-то время вы продолжаете ощущать в своем теле движение волн, и, хотя уже не плывете, вы уверены в подлинности того, что опытно пережили мгновение назад. И позже, ступив на твердую землю, вы сохраняете эту уверенность и этот опыт – опыт прекрасной ночи, глубокого неба и уверенность в его реальности, потому что он каким-то образом жил в вас. (Я долго рассуждал о сравнительно коротком отрывке из писаний святого Макария Египетского, да простит он меня за это.)

То же верно и в отношении нашего опыта Бога. Бывают моменты, и я к этому вернусь, когда мы ощущаем Божье присутствие непосредственно или через общение с другими людьми. Затем этот опыт отдаляется от нас, но не совсем, потому что он продолжает в нас жить, и мы не только о нем помним, мы его как бы заново переживаем. Бывают моменты,

---

⁵ Прп. Макарий Великий (ок. 300 – ок. 390) – прп., монах-отшельник. Традиция приписывает ему 50 бесед и 7 слов, содержащих аскетические наставления, некоторые из которых вошли в «Добротолюбие».

когда опыт ярок и убедителен, у нас нет сомнений, и нам радостно. Но бывают моменты, когда он тускнеет или совсем стирается. Есть индийский рассказ для детей, в котором ребенок спрашивает мать: «Мама, почему иногда я ощущаю, что Бог здесь, близко, и мне так хорошо с Ним, а потом Он отдаляется? Почему Он ушел? Как мне Его найти?» И мать отвечает: «Помнишь, как мы играли с тобой в прятки? Ты закрываешь глаза, я иду и прячусь в кустах или за деревом и зову тебя оттуда: ау! Ты открываешь глаза, смотришь вокруг и пытаешься понять: откуда слышался голос? И бежишь на него. Порой ты находишь меня сразу, и я подхватываю тебя, и ты счастлив, и мы смеемся и обнимаем друг друга. Но порой ты ищешь и не можешь меня найти. На мгновение тебе покажется: что, если мама ушла и оставила меня здесь? И делается страшно. Вначале ты просто оглядываешься, потом оглядываешься все более и более тревожно, и в тот момент, когда я начинаю чувствовать твой страх, я выхожу из своего убежища, и ты бежишь ко мне, и я беру тебя на руки, и тебе снова радостно. Так же Бог. Он дает нам пережить опыт Своего присутствия, а потом говорит: а теперь живите с тем, что вы узнали, живите так, будто Я с вами, живите так, чтобы Я мог вами гордиться, и вам будет хорошо со Мной... И Он наблюдает, как бы из-за кустов, из-за дерева, чтобы в тот момент, как тебе покажется, что ты потерял с Ним связь, позвать тебя. Он не обязательно явится Сам, но позовет тем или другим образом: ты встретишь кого-то, и этот человек расскажет тебе о Боге, или попадешь в храм, помолишься вместе с другими и почувствуешь: да, Он здесь, Он здесь со всеми этими людьми и со мной».

То же самое происходит и с нами. Вначале мы опытно переживаем нечто, но этот опыт может потускнеть, и тогда встают вопросы. Первый вопрос: куда Бог ушел? Но потом мы спрашиваем: был ли Он здесь вообще или это моя фантазия и Бога не было? И тогда становится страшно и одолевает сомнение. И нам очень важно быть готовыми к таким ситуациям. Каждый из нас по-своему (если будет время, я к этому еще вернусь) в какое-то мгновение пережил чувство Бога. Но потом наступает период, когда мы теряем это чувство, и тогда нам необходимо верить, сохранять уверенность в том, что опыт, который мы пережили, был подлинным.

Но есть и другой аспект. На каждом этапе нашего духовного роста мы способны постигать и узнавать только в наш уровень. Бог беспределен, Его глубины неизмеримы, о свете, который от Него исходит, святитель Григорий Нисский⁶ говорит: этот свет – Божественный мрак, потому что, когда на него смотришь, слепнешь... Поэтому на каждом этапе можно сказать: вот столько-то я знаю из своего опыта, сверх того – пока нет, зато другие могут знать. И это будет верно даже по отношению к нам с вами: опыт каждого из нас о себе, о жизни, о Боге, о Церкви, о Таинствах чрезвычайно различен, он может быть глубже или мельче, но он бесконечно разнообразен. На каждом этапе мы – такие, какими нам удалось стать на сегодняшний день, и мы обязаны *быть собой* сегодня со всей подлинностью и цельностью, потому что только так можно двигаться вперед. Если не верен своему «я» сегодня, не сможешь вырасти в такое завтра, в котором сохранишь верность себе и Богу. И есть нечто дивное в вопрошании, в осознании ограниченности нашего знания и опыта и в неожиданном понимании того, что даже наш малый опыт так богат и так глубок.

Приведу вам пример. Прежде чем стать священником, я учился естественным наукам и медицине⁷. И я помню, как профессор Кюри⁸ в своих лекциях по физике говорил нам, что мы должны проводить научные исследования очень серьезно, с предельной честностью, не

⁶ *Свт. Григорий Нисский* (ок. 330 – ок. 395) – ранневизантийский церковный писатель, богослов и философ, епископ г. Ниса. В памяти Церкви остался как величайший из богословов, «отец отцов».

⁷ До принятия в 1939 г. монашеских обетов Андрей Блум (будущий митрополит Антоний) учился на биологическом и медицинском факультетах Сорбонны, которую окончил в 1938 г.

⁸ *Морис Кюри* (1888–1946) – французский физик, племянник Марии Кюри. Работал в области радиоактивности, фотолюминисценции.

пытаясь объявлять о результате до того, как он получен. Как только мы составим цельное представление о предмете нашего изучения, первое, что нам необходимо сделать, это сказать: представление истинно на том уровне, до которого мы выросли на сегодняшний день, теперь пора ставить вопросы. Для начала мы соединили все факты и все наши знания в единую картину, теперь пришел момент приступить к поиску того, что в этой картине неполного, несовершенного, какой в ней изъян, с тем чтобы, если необходимо, взорвать гармоничное видение, которое у нас сложилось, потому что только так мы сможем открыться более полному и глубокому знанию.

Так действует ученый. Составив четкое мнение о научной проблеме, он спрашивает себя: нет ли ошибки в моих рассуждениях? Был ли я предельно честен в своих построениях? И если ответ «да», значит, пора приступать к поиску фактов, которые взорвут мои представления, потому что они слишком мелки для того, чтобы вместить реальность.

Это чрезвычайно важно, потому что такой подход применим и к нашим отношениям с людьми, и к нашим представлениям о них; он применим и к нашему пониманию Бога. На каждом этапе нам может открыться истинное знание о Боге, но это знание может оказаться истинным только на данный момент, в меру нашей духовной глубины, развития и возраста. И как радостно думать, что наше понимание будет дополняться новыми открытиями, и наше представление о Боге со временем будет становиться бесконечно прекраснее и бесконечно загадочнее! И нам не нужно бояться сказать: «Господи, мне казалось, что я понимаю, теперь я перестал понимать. Что мне делать?» И ответ таков: живи, живи молитвой, приобщаясь к людям, живи, приобщаясь к своей собственной глубине, цельно, честно, не стараясь держаться за представления, какими бы утешительными и красивыми они ни казались, потому что, если ты однажды засомневался в них, это значит, что ты их перерос, не Божью реальность, конечно же нет, а те представления, которые у тебя о ней сложились. И тогда вопрошание станет частью нашего духовного роста, нашего Богоискательства, нашего возрастания в познании Бога.

Порой, когда я так говорю, люди думают: «Как грустно. Не означает ли это, что мои познания о Боге, о себе и об окружающих людях так бедны? Чему же мне радоваться?» И мне кажется, ответ таков: на каждом этапе в тебе есть совершенство и полнота, и ты можешь радоваться тому, что, будучи таким мелким и незрелым, ты способен знать Бога так, как Его знаешь, способен Ему поклоняться так, как поклоняешься, способен обращаться к Нему так, как обращаешься или мог бы обратиться. Но как будет дивно, когда, созрев, ты перерастешь свой теперешний уровень, когда твое знание о Боге станет шире и глубже и твоя радость в Нем бесконечно полнее.

Вот почему вопрошание это не неверие. Ставить вещи под вопрос способен только тот, у кого есть подлинная вера и уверенность, тот, кто готов сказать: «Все, что я знаю, все представления, которые у меня сложились, все, что я услышал и прочитал, все, чему научился, – ничто по сравнению с широтой, глубиной, высотой, величием Живого Бога. И как дивно сознавать, что, хотя мои представления подлинны, это детские представления, которые с возрастом, со временем станут богаче, неизмеримо богаче».

Прибавлю одно замечание. Знание, которым я обладаю сегодня, может наполнить все мое существо, но только в том случае, если я живу в меру того, что мне было дано. Оно будет бесполезно, если моя вера не стала верностью. Пока я не научился быть верным своему знанию, верным себе, я не смогу расти дальше, разумеется, если не случится катастрофа, не произойдет нечто такое, что потрясет меня до глубины души и полностью поставит меня под вопрос. Это чрезвычайно важно сознавать.

В следующей беседе я хотел бы показать, какими путями разные люди приходят к пониманию того, в чем состоит их вера, и к чему это понимание обязывает. Я сейчас думаю об учениках, которые встречались с Христом, когда Он еще был ребенком, – кого они в Нем

увидели?⁹ Или встречались с Ним уже взрослым, – почему Нафанаил на простое замечание: «Я видел тебя под деревом», отвечает: «Господь мой и Бог мой»?¹⁰ Почему Петр произносит: «Ты – Сын Божий» (Мф. 16:16) – в момент, когда об этом еще ничего не говорилось? Как люди встречают Христа на глубинах, которые невозможно описать словами? Об этом я буду говорить в следующий раз.

А сейчас я предлагаю помолчать несколько минут. Я прошу прощения за то, что говорил слишком медленно, но помимо того, что я устал, это вещи, о которых не так просто говорить.

---

⁹ Возможно, речь идет о сводных братьях Иисуса, которые, согласно Евангелию от Иоанна (Ин. 7: 5), Его не понимали. Один из них, Иаков, впоследствии стал апостолом и возглавил Иерусалимскую общину, был казнен в 62 г. иудеями.

¹⁰ Слова Нафанаила звучат следующим образом: «Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев» (Ин. 1:43–51).

2. Свидетели жизни вечной¹¹

Как я говорил в прошлый раз, цель этой серии бесед – поставить себя под вопрос, подумать над тем, что мы понимаем под верой, что значит верить; и, помимо этого, смело или даже дерзновенно пересмотреть свое отношение к Богу, потому что очень часто в наших молитвах мы утверждаем то, что, как мне кажется, на самом деле не чувствуем. И вот сегодня я хотел бы начать с размышления о том, что значит верить, взять несколько примеров и поставить вопрос, какое это имеет к нам отношение.

Вера в первую очередь означает подлинное доверие, основанное на уверенности, с другой стороны, вера – это верность тому, во что мы верим, и Тому, в Кого верим; и важно помнить обе эти стороны, потому что одного без другого не бывает. Встречая людей на протяжении моей долгой жизни, я все время спрашивал себя, что они понимают под верой и как к ней приходят. И мне хотелось бы привести вам несколько примеров.

Первым мне вспоминается один старый человек, которого я встретил много лет тому назад в России. Он был неверующим всю свою жизнь: он не верил в Бога и в человека потерял веру, потому что не встретился с откровением Божиим, которое могло бы ему открыть путь к вере. Но также он не мог поверить и в то, что люди говорили о своей вере, видя, как они относятся к нему и как ведут себя в жизни.

И он мне рассказал, как, понаблюдав достаточно верующих и неверующих, он однажды забрел в церковь. Он ничего не ожидал, просто хотел посмотреть, как она выглядит изнутри и что за люди туда приходят. И он рассказывал, как его охватило навсегда оставшееся в памяти чувство, что все люди, которые там собрались, пришли с добрыми намерениями, со взаимной открытостью, со всей любовью, на какую способны. Прежде ему никогда не приходилось встречать общину, группу людей, которые собрались бы во имя общей веры и которые по этой вере любили бы друг друга, открылись бы друг другу. О, он не имел в виду, что они были ангелами во плоти и их отношения были воплощением доброты – в них была и резкость, и нетерпеливость, но в целом он чувствовал: эти люди принимали незнакомого человека, который стоял рядом с ними, как друга, как брата, как сестру. Это произвело на него такое сильное впечатление, что он стал приходить снова и снова по единственной причине – он изголодался, ему необходимо было находиться среди людей, которые любят друг друга. Он не был наивным, он знал, какими эти люди были в обычной жизни: у них были заботы, трудности, страхи, но здесь, в церкви, с ними что-то происходило, и церковь была тем местом, где это происходило. Он не обратился сразу умом и сердцем к познанию Бога и вере в Него, но потянулся к людям, которые были в церкви, и попытался стать одним из них, научиться их отношению друг к другу. Он ощутил мир, он ощутил покой, почувствовал: церковь – место, где нет ничего, кроме стремления к добру. И это стало для него началом встречи с Тем, Кто даровал этот мир: «...мир Мой даю вам; не так как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14:27).

Другой похожий случай произошел у нас. Несколько лет тому назад в наш храм пришел человек с посылкой для одной из прихожанок. Он был неверующий, довольно нетерпеливый, почти что агрессивный и рассчитал время так, чтобы прийти к концу службы, потому что намеревался передать посылку, но не хотел иметь ничего общего с тем, что происходило в этих стенах. Но Провидение распорядилось по-своему: он пришел до того, как вечерняя служба закончилась. В нетерпении он расположился со своей посылкой на скамейке у выхода. И тут с ним нечто произошло, потому что после того, как он передал посылку и все ушли, я обходил церковь и обнаружил, что он все еще сидит у выхода. Я осторожно заметил:

---

¹¹ Беседа 18 октября 2001 г.

«Время расходиться по домам». Он сказал: «Нет, сначала вы должны мне объяснить: что здесь происходит? Что на меня нашло, что повлияло на меня? Я неверующий, я уверен, Бога нет, но все-таки здесь нечто происходило. Что это было: мерцание свечей? заунывное пение вашего хора? покой, какого не встретишь на улице?» Я пожал плечами и ответил ему: «Я бы сказал, это – Божье присутствие, но если вы уверены, что Бога нет, вам придется поискать другое объяснение». Он сказал: «Да, но я хочу прийти сюда, когда в церкви никого не будет и на меня не сможет подействовать коллективная истерия ваших прихожан. И вы тоже уйдите: я не хочу, чтобы на меня влияло ваше присутствие». Я согласился: «Хорошо, приходите».

Он приходил несколько раз, подолгу сидел и однажды сказал мне: «Знаете, когда здесь никого нет, и вас тоже нет, в этой церкви все равно остается нечто, с чем я не встречался, не находил больше нигде. Предположим, это – Бог, Который здесь живет, и в Его присутствии людям хорошо, спокойно, уютно, они испытывают друг к другу добрые чувства. Что из того? Вы дали Ему жилище, Он здесь удобно устроился, Он гостеприимно вас встречает, когда вы приходите, но что дальше?» Я ответил: «Не знаю, приходите еще и выясняйте». Он продолжал приходить и однажды сказал мне: «Знаете, я заметил вот какую вещь: когда люди приходят в церковь, на их лицах – забота, в их поведении – напряженность, но уходят они успокоенные. Чувствуется: они в мире с самими собой и друг с другом. И есть еще одна вещь, которую я просто не могу понять. Люди, которые подходят на утренней службе к ступеням вон там впереди и получают что-то из чаши ложкой, подходят с одним выражением, а когда идут обратно, их лица совершенно меняются, в них появляется свет, в их глазах свет. Поэтому ваш Бог, должно быть, не только Хозяин этого здания, Он – активный Бог, Он что-то делает с людьми, и я хотел бы, чтобы кто-то сделал это и для меня». Я сказал: «Да, но что вы собираетесь делать дальше?» – «Я хочу, чтобы вы со мной поговорили и объяснили мне то, чего я не понимаю или не знаю». И какое-то время он регулярно приходил, потом стал посещать службы, спокойно и тихо стоял и однажды сказал мне: «Теперь я знаю: Бог, ваш Бог – это активный Бог, Который меняет людей. Мне тоже нужно измениться. Можно мне креститься?»

Это пример другого опыта: с общиной, которая, как вы прекрасно знаете, состоит из самых обыкновенных людей – никто из нас не святой, у всех есть свои трудности, свои проблемы, – но со всеми вместе в Божьем присутствии и силой Божьей нечто происходило. Этот человек стал верующим, потому что он обнаружил здесь то, с чем нигде больше не встречался. И когда я говорю «нигде», я не имею в виду в других церквях, а просто вне Церкви.

В первом примере говорится о том, как пожилой человек из России обнаружил, что люди, которые в свое время открыли для себя Бога, собираясь вместе, как бы стряхивают с себя, словно пыль, все поверхностное, мелкое, уродливое и являют всю свою красоту – одни в большей степени, другие – в меньшей, но пыль остается снаружи. В другом примере ситуация, если можно так выразиться, еще более разительная: человек открыл для себя реальность Бога через то, что Бог делает с людьми.

И здесь встает несколько проблем, упомяну пока только одну: эти примеры показывают, насколько верны слова апостола Павла, что мы носим святыню «в глиняных сосудах» (2 Кор. 4:7), «в разбитых» (Пс. 30:13), недостойных сосудах. Эти два человека обнаружили, что мы, наша община, состоящая из самых обыкновенных людей, несовершенных, грешных людей, открыла для себя измерение, которое им было неизвестно – измерение божественной реальности, вечности, святости, любви, – и несла крупицу этого измерения из церкви в мир.

Есть вопрос, который я задавал себе не раз. Я хочу предложить вам подумать над ним вместо того, чтобы пытаться самому давать на него ответ, потому что у меня нет исчерпывающих ответов на все, о чем размышляю. Что происходило с учениками при встрече с Хри-

стом? Что происходило с толпами людей, которые окружали Христа и Его учеников? И первый вопрос, который передо мной вставал: Христос – Бог, пришедший в мир во плоти, и с самого начала Своей жизни на земле – новорожденный младенец, мальчик, юноша – Он уже воплощенный Сын Божий. Его окружали люди, которые этого не знали, но которые с Ним встречались. Каким они Его видели?

Известно несколько так называемых «евангелий детства» Христа, в которых много фантастического. Они не подтверждаются историей и, вероятно, не имеют ничего общего с реальностью¹². Но меня поражает то, что Он был мальчиком, подобно другим мальчикам, ребенком, подобно другим детям, у Него были взаимоотношения со Своей Матерью и с Иосифом. Как люди Его тогда воспринимали? Разумеется, не как образец благочестия и святости, каким евангелия детства стараются Его представить. Скорее всего, Он был обыкновенным, здоровым, разумным мальчиком. Те из учеников, кто знал Его в детстве, кто жил в соседних деревнях, в Капернауме и в окрестностях, должно быть, встречаясь с Ним, видели в Нем обыкновенного ребенка, но все-таки что-то еще, что-то сверх того: возможно, такую чистоту, чуткость, способность любить, такую способность отдавать себя другим и за других, какую не ощущали в самих себе. С самого начала они находились в присутствии воплощенного Бога, Который, должно быть, постепенно открывался им в растущем и развивающемся ребенке. Нам это невозможно ни понять, ни представить, но это – нечто подлинное: Бог присутствовал в Нем в полноте Своего Божества, и в то же время Иисус был обыкновенным для своего возраста ребенком. Возможно, Ему была свойственна мера восприимчивости и понимания, недоступная другим людям. Вспомните рассказ о том, как Иисус отстал от родителей и как позже Его обнаружили в Иерусалимском храме, где Он беседовал с учителями и старейшинами, которые задавали вопросы и слушали с изумлением Его ответы (Лк. 2:41–47). В Его ответах присутствовало знание Бога и знание священных предметов, которое Он, быть может, выражал словами, свойственными Своему возрасту, или, скорее, не имеющими возраста словами истины и красоты.

И наконец, те, кто знал Его в Назарете или встречался с Ним во время паломничеств. Одним из них был Нафанаил. Иисус с кем-то разговаривал, а затем, обернувшись к Нафанаилу, сказал: *Вот израильтянин, в котором нет лукавства*. Они никогда раньше не встречались, и Нафанаил спросил: *Почему Ты знаешь меня?* И Иисус ответил: *Когда ты был под смоковницей, Я видел тебя*. Что это значит? Разумеется, это может означать, что Нафанаил стоял на коленях и молился и Иисус его заметил, но, без сомнения, Нафанаил не единственный человек, которого Иисус видел молящимся. И ответ Нафанаила выходит далеко за рамки обычной реакции человека, застигнутого во время молитвы. Он говорит: *Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев* (Ин. 1:47–49). И в ранних комментариях поясняется, что в тот момент Нафанаил молился Богу, а по словам Христа он понял, что Иисус – тот Бог, Которому он молился, сам того не ведая. Одна эта встреча заставила Нафанаила безоговорочно поверить, что перед ним – воплощенный Сын Божий.

Потом мы читаем о других Его учениках, ничем не примечательных, обыкновенных людях, не получивших никакого религиозного образования, рыбаках. Христос и раньше их встречал, они знали друг друга в Галилее детьми, юношами, молодыми людьми. Он видит их на берегу моря и обращается к ним со словами: *Идите за Мною* (Мк. 1:17). И они оставляют все и следуют за Ним. Что означает этот акт полного доверия? Что они почуяли в Нем? Почему смогли оставить все имущество, все свои дела, чтобы следовать за Ним, сопровож-

¹² Известны многочисленные апокрифические Евангелия, такие как «Протоевангелие Иакова», «Евангелия детства Марии», «Евангелия детства от Фомы» (которые не следует путать с древними «Евангелиями Фомы», состоящими из речений Иисуса). Возможно, все они восходят к последнему названному тексту. Возникшие значительно позже канонических Евангелий, они не содержат подлинных фактов о жизни Спасителя, Его образ в них противоречит каноническому, и они были отвергнуты Церковью.

дать Его в странствии, о котором ровно ничего не знали? Нельзя сказать, что с первого мгновения ученики уверовали так, как верили святые, жития которых мы читаем, ведь раз за разом перед ними вставали проблемы, брало верх их как бы еще неискупленное человеческое естество. Когда Иисус стоял перед судом, Петр трижды отрекся от Него из страха, что в нем признают ученика. Но потом с ним нечто произошло: когда, предав своего Друга в третий раз, Петр вышел со двора и оглянулся, Христос повернул голову и посмотрел на него. Их глаза встретились, и Петр горько заплакал.

Человеческое естество брало верх еще не раз. У креста мы видим только Иоанна, самого юного из всех, в котором не было ничего, если можно так выразиться, кроме любящего сердца, и Матерь Божью. Матерь Божья стояла там, зная, Кем был Ее Сын, зная, что родила Его на смерть, зная, что не смеет проронить ни одного слова мольбы, чтобы защитить Его от смерти ради спасения мира. Она принесла Его в живую жертву без единого слова протеста. Это был акт веры. Она поверила Богу, но Он не обещал, что Христос воскреснет, а только то, что Он – Спаситель мира. И даже это было Ей сообщено не так явно. У креста мы видим Мать, которая отдает Своего Сына на смерть, потому что Он был рожден для этого часа, и юного ученика, которого простая и цельная любовь привела разделить ужас, боль Матери и умирание своего любимого Учителя. В тот момент вера выразилась в верности, она еще не была тем, что мы называем религиозной верой. Иоанн был верен своему Другу, и, поскольку его Друг был Богом, верность Другу оказалась за пределами земной верности.

Но где были другие ученики? Иуда повесился. Он предал Христа и не ожидал для себя прощения и спасения. Остальные, собравшись вместе, заперлись в страхе. Один из них, Петр, ощущал себя предателем, другие сознавали, что сбежали из трусости, а Фомы вообще с ними не было. И когда Христос явился посреди них, они обрадовались: Он жив, смерть каким-то образом над Ним не восторжествовала. И Христос засвидетельствовал о Себе, что Он воскрес из мертвых, Он – не дух. И радость их была велика. А потом пришел Фома. Что он увидел? Он увидел десять своих товарищей, которые радовались воскресению Христа, но сами не изменились. Их страх сменился ликованием, но они были те же. Он не мог поверить, что, повстречав воскресшего Христа, они могли оставаться такими же, какими он знал их раньше. И Фома сказал: *Пока опытно не удостоверюсь, чть означает Его воскресение, не поверю*. И, явившись, Христос предоставил Фоме возможность удостовериться¹³, но тот не стал этого делать. Увидев Христа, Фома сразу понял, что встретил Того, Кто воскрес, и поверил в воскресение (ср. Ин. 20: 24–28).

И только позже, когда Святой Дух сошел на учеников, они изменились настолько, что в любых обстоятельствах всякий узнавал в них Божьих служителей. Одни видели в них посланников истины и жизни и следовали за ними, другие видели в них проповедников ложного божества, неправды и убивали их вместе с их учениками, но опыт встречи с ними всегда был абсолютно убедительным.

Если задуматься о нас самих, каково наше положение, каждого из нас? С одной стороны, мы – такая община, в которой неверующий человек обнаружил крупицу Божественного присутствия. Каждый из нас – разбитый глиняный сосуд, и все же в этом сосуде есть капля вечной жизни, которую даровал нам Бог, и когда мы встречаемся в церкви, мы как бы оставляем за дверью все, что преднамеренно недостойно Бога. Я говорю «преднамеренно», потому что в нас многое недостойно Его, но наше намерение, наше желание, наша устремленность, наша решимость в том, чтобы стать действительно достойными – нашей верностью стать достойными Бога, Который верен. И каждый из нас должен поставить перед собой вопрос: кто он, каково его положение? Каждый из нас коснулся края ризы Христовой,

---

¹³ Здесь митрополит Антоний дважды и, вероятно, не случайно употребляет необычное для своего лексикона слово *test* (англ. «подвергать испытанию, проверять, производить опыты»). – *Прим. пер.*

уловил Его присутствие, услышал Его голос, что-то нас поразило, и мы стали Его последователями, я не говорю – учениками, потому что ученик – это больше, чем последователь. За Христом следовали толпы людей ищущих: ищущих вечной жизни в самих себе и в окружающих людях. Каждый из нас уверен, что да, Бог есть, что да, Христос – Сын Божий, что да, Дух Святой сходит и научает нас. Но есть измерение, которое Бог требует от нас, или, точнее, которое необходимо нам для того, чтобы вырасти в иную меру полноты. Это не только уверенность, это – верность. Если то, что мы знаем о Христе, истинно, если Его учение – *Истина*, почему же мы изо дня в день остаемся чуждыми этому учению?

Этот вопрос я хочу поднять в следующий раз, посмотрев, с одной стороны, на нашу жизнь, а с другой стороны, на молитвы, которыми мы молимся. Я надеюсь, что моя беседа не была слишком невнятной. Постарайтесь продумать ее и разобраться, потому что это важно, и я стараюсь нащупывать ответы. Делайте то же самое.

3. МОЛИТВЫ СВЯТЫХ¹⁴

Как вы знаете, в этой серии бесед я намеривался поговорить о вопрошании и отчасти о сомнении. Каждый раз, когда кто-нибудь затрагивает эти темы, он вполне справедливо подвергается суровой критике за то, что покушается на простоту и цельность веры других людей. Но я глубоко убежден, что у каждого из нас есть вопросы, которые остаются неразрешенными в нашей жизни, в сердце, в житейском опыте, и, большей частью, мы закрываем глаза на эту проблему. Мы говорим: «Я потом разберусь» или «Это должно быть верно, потому что так говорит Церковь или потому что так говорит тот, кому я доверяю». И в результате мы лишаем себя возможности созреть и в доверии к Богу, и в постоянно углубляющемся понимании Его путей.

И сейчас я стараюсь не поколебать чью-то веру, а заставить себя, но, возможно, и вас всмотреться в то, что мы считаем истиной, и поставить перед собой вопрос: в какой мере я сам уверен в той истине, которую исповедую? Это чрезвычайно важно для священника, потому что он обязан провозглашать Божью истину и каждый раз оказывается перед лицом если не сомнений, то раздумий: «Имею ли я право из своего малого опыта, из его ограниченности провозглашать Божью правду?» Но это важно не только для священника: перед каждым из нас, перед всеми нами требовательно встают молитвы Церкви.

Церковь – очень сложное сообщество людей. С одной стороны, это место, где пребывает Бог, с другой – Церковь состоит из людей хрупких, находящихся в становлении. В какой-то мере мы – народ Божий, потому что мы все коснулись края ризы Христовой, даже если не пошли глубже первой встречи, если наша встреча не стала откровением. Но все вместе, в нашей общности мы обладаем большей полнотой истины, большим знанием, большим опытом, чем каждый в одиночку, сам по себе. И в этом смысле Церковь – удивительный организм, потому что в ее сердцевине пребывает Господь Иисус Христос, Который являет Собой откровение, провозглашение, воплощение Божьей истины, и Святой Дух, Который Своим дыханием помогает нам ее постичь. Но, как уже было сказано, каждый из нас несовершенен, потому что мы еще не обрели зрелости святых, которая даже у святых не достигает полноты вплоть до конца их жизни, а может быть, до свершения времен.

И я хотел бы сегодня обратить ваше внимание на несколько вещей. Как я уже говорил, мы все употребляем молитвы, в которых заключен опыт святых. Этот опыт может быть чрезвычайно глубоким, нести в себе почти совершенное знание, но надо помнить, что он выражен в словах, наших обыкновенных словах с присущей им ограниченностью человеческой речи. Больше того, мы молимся на понятном нам языке, а не на том языке, на котором опыт, находящийся за пределами словесного выражения, был изначально запечатлен. И поэтому, когда мы читаем молитвы, мы должны впитывать то, что в них говорится, и в то же время, как только представляется случай, ставить перед собой вопрос: правильно ли мы используем слова, означают ли они именно то, что мы в них прочитываем? Я вам приведу пример: мы употребляем слово «грешник» в разных ситуациях, и для нас грешник – это тот, кто нарушает Божьи заповеди, что абсолютно верно, но есть нечто более глубокое и трагически важное в понятии греха.

Святой Иаков в своем Послании говорит, что грешить означает перейти с Божьей территории на территорию Его противника¹⁵. Можно дать такой образ: река разделяет два удела,

---

¹⁴ Беседа 1 ноября 2001 г.

¹⁵ Слово «хет», которым обозначается грех на древнееврейском, означает «находиться за стеной». В образности Послания ап. Иакова, когда он говорит о грехе, присутствует основанное на этимологии этого слова представление о том, что «грешить» – значит находиться за стеной, быть абсолютно отделенным от места святости, также как «быть святым» эти-

два царства. Одно всецело, полностью принадлежит Богу, другое человеческой неверностью предано в руки зла. Грешить означает перейти через реку из Божьей области в область недоверия, полумрака, зла. Если рассуждать на этом уровне, то действительно существует опасность совершить зло, преступив заповеди, которые Бог нам дал с тем, чтобы оградить нас от последствий нашего предательства, но сущность греха состоит в нашей готовности покинуть Божий удел и войти в иную реальность.

Мы никогда не думаем о грехе в этих категориях. Мы считаем, что грех – конкретные злые дела, ложь и так далее, но не наша неверность Тому, Кто сотворил нас с любовью, Кто из любви к нам стал одним из нас, чтобы разделить нашу жизнь и умереть из-за наших грехов. Это один пример, и я не хотел бы задерживаться и приводить другие. Я еще вернусь к понятию любви, потому что мы постоянно говорим, что Бог – это любовь. Но знаем ли мы вообще, что такое любовь, что значит любить? Мы вполне справедливо думаем о любви в человеческих категориях, но нет ли в ней чего-то большего? Мы сейчас к этому вернемся.

Но сначала я хотел бы, чтобы мы немного поразмышляли о молитве, которую читает священник во время великой ектеньи на Литургии. Так легко ее произнести, прочитать слова, признать их правоту, согласиться с тем, что в них заключено. И потом неожиданно может оказаться, что мы стоим как бы перед судом слов, которые только что произнесли: «Господи Боже наш, Егоже держава несказанна¹⁶ и слава непостижима, Егоже милость безмерна, и человеколюбие неизреченно». Когда мы говорим о Боге, что Его слава сияет настолько ярко, что мы ослеплены этим сиянием, что Его могущество беспредельно, нам кажется, будто мы сказали нечто простое и понятное. Но так ли это? Что мы знаем о Божьем сиянии?

Святой Григорий Нисский по этому поводу говорит: Божье сияние настолько ослепительно, что мы не способны выдержать его свет. Нам приходится говорить о Божественной тьме, хотя объективно в действительности Бог окружен сиянием, но в нашем опыте чем ближе мы подходим к видению славы Божьей, тем ослепительнее, тем недоступнее, тем непроницаемее она становится для нас. Отдаем ли мы себе в этом отчет? Если понимать славу, сияние упрощенно, легко себе представить Бога блистающим, сияющим, как звезды на небе, как сияние дня. Но можно ли смотреть на солнце и не ослепнуть? Как понимать, что Божье сияние нельзя описать словами? Что нам об этом известно? Задумывались ли мы когда-нибудь об этом?

Тот же вопрос можно поставить и о Божьем могуществе. Легко сказать, что Его держава несказанна: раз Он – Бог, Он все может. Но посмотрите на мир, в котором мы живем, на зло, которое присутствует в этом мире, больше того, вдумайтесь в события Воплощения: Господь Вседержитель отдает Сына Своего на смерть для того, чтобы победить зло. Где же Его непостижимые сила и могущество? Они – нечто большее, чем могущество царей и воинов, которое мы видим в истории. Божье могущество беспредельно, но в то же время Бог терпит поражение от всего, что есть в нас злого: мыслей, желаний, слов, действий – личных и коллективных.

Поэтому, читая эту молитву, мы должны поставить перед собой вопрос: что мне в ней понятно, что известно? А если что-то непонятно, почему бы просто не сказать: «Господи, я стою в благоговении перед непостижимым, я стою в благоговении, в молчании, в преклонении, потому что слова, которые я произнес, говорят мне о том, что я *ничего* не понимаю, ничего не знаю, кроме одного: я знаю Тебя, Господи, не в этой славе, не в этом сиянии, а в смирении, которое Ты явил в Воплощении Своего Сына, в Твоей щедрости, с которой Ты отдал Своего Сына ради моего спасения. О Господи, как это может быть?» Или, если хотите, можно сказать: «Любовь, которая способна вырасти в такую меру, находится за пределами

мологически означает быть абсолютно отделенным от греха.

¹⁶ Чья сила (власть, могущество) неизобразима, непостижима, несравнима (*церк.-слав.*).

человеческого понимания, она так непостижимо велика, что я могу только пасть на колени и поклониться».

Но дальше идут слова: «Егоже милость безмерна и человеколюбие неизреченно». И мы их произносим, потому что каким-то образом, из опыта Церкви, из глубины нашего собственного, очень ограниченного, но подлинного опыта мы знаем: эти слова истинны. И все-таки порой мы в них сомневаемся: «Твоя милость безмерна? Господи, я смотрю на окружающий меня мир, на мир, который Ты любишь, и в нем столько ужаса, что я не могу понять, как Ты можешь это терпеть. Ты дал миру, людям в особенности, свободу, и в результате – весь ужас истории. Как мне понять Тебя? Неужели это – акт любви, неужели это – любовь к человечеству, милость?» Если рассуждать отвлеченно, как я сейчас рассуждаю, то такой вопрос может показаться странным, безосновательным, но я вам дам пример. У одной верующей русской женщины был внук. В возрасте семи лет он заболел и умер, и я помню, как она мне сказала: «Я больше не верю в Бога. Если бы у Него была хоть капля милосердия, Он не позволил бы моему внуку умереть от долгой и мучительной болезни». Я был молод, нечуток, резок и спросил ее (это было сразу после войны): «А вы никогда не задумывались о тысячах детей, которые умерли от болезней, были убиты во время войны и на протяжении всей человеческой истории? Это Вам не помешало верить в Бога?» И она посмотрела на меня с искренностью, о которой я до сих пор вспоминаю с изумлением, и сказала: «Что мне было до них? Теперь *мой* внук умер».

Это очень резкий, грубый пример, но поставьте перед собой вопрос: не оказывались ли мы в нашей жизни, короткой или долгой, перед лицом подобной проблемы? Мы готовы верить в Божью любовь, в милосердие, во все Его положительные качества до тех пор, пока вдруг что-то не случается с нами или с теми, кого мы любим гораздо больше себя, и тогда наша уверенность и доверие рушатся. Но чаще всего, когда доверие рушится, мы не признаемся себе в этом и не делаем вывода, что теперь я больше не верю в Бога, а просто восклицаем: «Как это может быть? Как ужасно!» Мы замыкаемся, закрываем глаза, ум, сердце.

Возьмите эту короткую молитву, четыре слова – «слава, держава, милость, человеколюбие», – каждое из них ставит нас перед проблемой нашей собственной веры и нашего собственного опыта. Мы можем отчасти ее решить, сказав: «Верую, Господи, прости мое неверие!» (ср. Мк. 9:24). И если наши слова искренни, если они действительно крик боли, вырвавшийся из нашего сердца, тогда мы имеем право их произнести, тогда они станут началом наших правдивых отношений с Богом. Но если это просто способ избежать ответственности, попытка воспользоваться словами Евангелия, чтобы, пожав плечами, сказать Богу: «Что я могу сделать, таково положение: если Ты мне не поможешь, я останусь неверующим», тогда слова «если Ты мне не поможешь» (их в тексте нет, я их прибавил), эти слова, обращенные к Богу, ко Христу, будут означать: «Ты должен мне помочь, иначе Ты будешь виноват».

Я, может быть, представляю сейчас вещи с мрачной стороны, но каждый раз, когда мы читаем какую-нибудь молитву, она заставляет нас, если мы внимательны и честны, задаваться вопросом: каково мое положение? Что я знаю опытно? Насколько я знаю Бога лично, чтобы доверять Ему в этом отношении? И порой у нас может вырваться крик благодарности Богу за то, что Он, несмотря на наши сомнения, наше непонимание, больше того, несмотря на то, что мы от Него отворачиваемся, остается верен. Мне не раз указывали, что ответ на все вопрошания содержится в книге Откровения. Там есть отрывок, где описан весь ужас власти антихриста и смерть мучеников, и в конце времен мученики обращаются к Богу и говорят: Ты был прав в путях Твоих, Господи, и оправдано наше мученичество, оправданы наши страдания, оправдан ужас, через который мы прошли. Благословен Ты, Господи! (ср. Откр. 15:3). Но у кого из нас найдется достаточно веры, мужества, величия сердца произнести эти слова?

Я привел в качестве примера эту очень простую короткую молитву, которую читаю из год в год с чувством ликования и красоты и которая постепенно вызрела в моем опыте, в моем уме и сердце и стала для меня вызовом, – вызовом, который звучит на пороге Литургии. Она произносится священником во время ектеньи после слов «Благословенно Царство...» Это – самое начало.

Если мы возьмем утренние и вечерние молитвы (я уже об этом говорил и теперь только коротко повторю), то, читая их, мы пользуемся словами, повторяем мысли, разделяем чувства, которые принадлежат святым. Мы не можем полностью им уподобиться, но порой нечто улавливаем, переживаем зачаточно опыт, о котором рассказал святой, и тогда можем разделить с ним всю его молитву, потому что знаем: мы поняли достаточно для того, чтобы прочитать молитву целиком. Но порой, как мне кажется, мы обнаруживаем, что на деле это невозможно, потому что те молитвы, которые мы читаем утром, вечером, акафисты, каноны и т. д. выражают опыт жизни, опыт Бога, опыт о самом себе целого ряда святых, и нам нужно быть достаточно реалистичными, я даже не говорю, «достаточно смиренными», чтобы понимать: если нам удастся отождествиться хотя бы с одной из этих молитв, мы должны благодарить за это Бога. Но можно ли отождествиться с 10–12 молитвами, которые составляют вечернее и утреннее правила? Можно ли уподобиться по очереди святому Иоанну Златоусту, святому Василию Великому и многим другим святым и сказать: да, я вмещаю их всех? Нет, нельзя. Поэтому нам необходимо, когда мы читаем эти молитвы, читать их вдумчиво, с пониманием. Нужно взять одну фразу и сказать себе: ее я могу произнести изнутри своего малого опыта, но всем сердцем и умом. Возможно, мне недоступна вся ее глубина, возможно, когда-нибудь я открою такую глубину, о которой сейчас даже не подозреваю, но то, что я постиг, да, с этим я могу отождествиться. А следующую фразу я действительно не понимаю. Я могу обратиться к этому святому и сказать: «Вот твои слова. Мне в самом деле непонятен опыт, который лежит в их основе, но я им верю, поэтому повторю их, а ты помолись со мной и принеси их Богу, потому что это твой опыт, в который я стараюсь погрузиться. Это твой опыт, который, быть может, подхватит меня на мгновение, как воды реки подхватывают и несут маленькую лодку».

Но есть вещи, которые мы не можем повторить за святым искренне, и тогда нам нужно честно обратиться к Богу и сказать: «Господи, этот святой: святой Василий, святой Иоанн, святой Метафраст, святой Симеон Новый Богослов или какой другой знал: то, что он говорит, – истинно. Я этого не знаю». Порой будет лучше, если мы скажем: «Я не могу произнести эти слова, потому что в моих устах это прозвучит ложью». Порой можно сказать Богу: «Я прочитаю эти слова, потому что верю: в них содержится истина и, быть может, они дойдут до меня и преобразят меня внутренне». Но мы не можем читать их просто потому, что они написаны.

Чтобы показать, какое действие могут производить слова молитвы, я расскажу вам об одном случае, который пришлось пережить в нашем приходе. У нас в хоре пел пожилой человек. У него был чудный бас, но в какой-то момент он заболел, попал в больницу, и у него обнаружили рак. Я навещал его каждый день, и с каждым днем он угасал. Однажды, когда я пришел, сестра милосердия мне сказала: «Какой сегодня несчастный день: он без сознания, так что вы даже не сможете с ним помолиться, но что еще хуже – его жена и дочь, которые были в отъезде все это время и не могли приехать, наконец прибыли сегодня, и они не могут с ним проститься». Я пошел их повидать. Жена и дочь сидели вместе по одну сторону кровати. И я подумал: если все молитвы, которые он пел, проникли в его глубины, переплелись со всем его существом, то они должны его вернуть. Я встал на колени и начал петь (так несовершенно, так жалко!) песнопения Страстной и Пасхи. И пока я пел, можно было видеть, как в нем поднимается жизнь, и настал момент, когда он открыл глаза. Я сказал ему: «Ваша жена и дочь пришли проститься с вами, посмотрите налево». Он повернул

голову, увидел их, они поцеловались, простились, и потом я ему сказал: «А теперь идите с миром», и он снова погрузился в бессознательное состояние и умер. Слова, которые он пел в течение всей своей жизни, слова, которые доходили до него разными путями и в разную меру, так переплелись с его душой и со всем его существом, что даже в моем несовершенном исполнении вернули его на землю.

Этим я хочу сказать, что даже если мы не способны усвоить каждое слово молитвы, нам необходимо вчитываться, вчитываться внимательно, вдумчиво, всем сердцем и умом, стараясь понять. И время от времени в течение дня вспоминать ту или другую фразу и спрашивать себя: что она на самом деле означает? Какое это имеет ко мне отношение? Что я говорю Богу, когда повторяю вслед за святым слова, которые составляют его молитву? И постепенно через слова, через образы, сопереживая опыту, который ограниченным образом выражен в молитвах, быть может, нам удастся перерастить себя и углубить свое знание о Боге.

И здесь я хочу повторить то, о чем говорил раньше: молитвы, которые мы читаем по-английски или на церковно-славянском, практически все изначально были написаны на другом языке, и наш перевод мог сузить их смысл. Поэтому нам нужно начинать с того, чтобы читать эти слова и позволить им, какие они есть, проникать в наш ум и сердце, а после этого задаться вопросом: что они означали для людей, которые составили эти молитвы? Что они означали на языке, на котором молитвы были написаны? Я дам вам пример. Мы молимся молитвой Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй меня, грешного». Это – совершенная молитва, но в оригинале она звучит не просто «меня, грешного», а «грешника – меня»¹⁷.

Я не знаю, заметите ли вы сразу разницу, но «меня, грешного» значит, что я, один из многих-многих-многих грешников, взываю к Тебе. Если я скажу «грешника – меня», это означает, что я – самый неверный, самый негодный из всех, потому что мне было так много дано, а я так мало на это отзываюсь. В каждой молитве есть слова, которые изначально имели иной смысл, иной оттенок, и поэтому мы не должны быть пленниками слов, которые употребляем. Если, произнося слова, принадлежащие тому или другому святому, мы ощущаем скованность, ощущаем, что за ними стоит нечто большее, то постараемся собрать весь наш бедный, но все-таки подлинный опыт и понять, что именно за ними стоит.

Думаю, на этом я закончу, и в следующий раз мне хотелось бы продолжить наш поиск смысла и истины и обратить ваше внимание на начало Книги Бытия и на другие отрывки из Священного Писания, потому что они порой сообщают нам нечто чрезвычайно важное через то разнообразие мнений, которое Отцы Церкви предлагают в своих комментариях.

---

¹⁷ В оригинале синтаксически выделено личное местоимение.

4. Божья любовь¹⁸

Я собираюсь провести одну или две беседы, которые могут показаться спорными, и мне хотелось бы предварить их тем, что я уже рассказывал некоторым из вас. Несколько месяцев назад я получил письмо из монастыря в России. В нем говорилось: «Нас предостерегают против богословия западных православных богословов. Трое из них представляют особую опасность для наших душ. Имена двоих мы знаем и знаем, кто они. Это отец Александр Шмеман и отец Иоанн Мейендорф¹⁹. Мы не знаем, кто третий. Не могли бы вы нас просветить: его имя Антоний Блум».

Я не смог предоставить достаточно убедительные сведения этим людям, и то, о чем буду говорить сегодня, возможно, вызовет подобную реакцию, потому что я собираюсь поставить некоторые вещи под вопрос или, по крайней мере, показать, что к ним можно подходить по-разному. В моей последней беседе (вы, может быть, ее не помните) я постарался показать, как опыт святых, выраженный в молитвах, которые мы унаследовали от них, ставит *нас* под вопрос. Каждая прочитанная молитва принуждает нас спросить: «Могу ли я произнести эти слова честно, то есть из глубины своего собственного опыта, правдиво и искренне? Могу ли я прочесть их с убеждением, потому что они сообщают о том, что мне уже известно, или потому что я им доверяю?» Относительно каких-то отрывков мы можем сказать: «Если святой так думал и таким образом выразил свой опыт Бога, это – правда. И хотя из собственного опыта я этого не знаю, я могу произнести эти слова из доверия к нему, стараясь найти в своем собственном духовном опыте, в своих мыслях нечто приближающееся по глубине и величию к тому, что он говорит».

Но если мы будем честными, то обнаружим, что некоторые слова святых мы не можем повторить за ними со всей верой и убежденностью. Порой нам приходится признать, что – нет, я этому не верю, это превосходит меня. Больше того, во мне есть такой греховный опыт или такая незрелость, которые вынуждают меня сказать: «Я не могу поверить этим словам, я не могу их произнести, это будет все равно что лгать перед Богом». Я настаивал на этих вещах в моей последней беседе и хочу не возвращаться к ним сейчас, но подчеркнуть тот факт, что мы все, все без исключения, должны пользоваться молитвами святых честно и говорить о том, что нам достоверно известно из собственного опыта, с абсолютной уверенностью, о том, что нам представляется возможным, с осторожностью, а о чем-то сказать Богу: эти слова я никак не могу произнести искренне.

Это, разумеется, относится не только к молитвам. Это относится к отрывкам из Евангелия, из Ветхого и Нового Заветов, в которых говорится о вещах несомненно истинных, потому что в них непоколебимо верила и верит вся Церковь, но которые для нас представляют проблему. И опять же есть слова и выражения, знакомые нам из повседневной жизни, но в контексте Священного Писания или опыта святых они не обязательно обозначают то, что мы привыкли ими обозначать. Одно из таких слов, которым мы небрежно пользуемся и над которым нам необходимо очень серьезно задуматься, слово «любить». Что мы подразумеваем, когда говорим, что Бог – это любовь? Простой ответ: это значит, что Бог любит каждого из нас так отзывчиво, так открыто, что, как бы мы ни поступали, если обратиться к Нему и сказать: «Я виноват, прости!» – Он обнимет и благословит нас. И до определенной

---

¹⁸ Беседа 20 декабря 2001 г.

¹⁹ Протопр. Александр Шмеман (1923–1983) и протопр. Иоанн Мейендорф (1926–1992) – священнослужители Православной церкви в Америке, богословы, писатели, педагоги, были ректорами Свято-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк).

степени это так, но при условии, что наше обращение к Богу будет заключаться в чем-то гораздо более серьезном, чем в мимолетном изменении поведения или настроения.

Порой легко обмануть если не других, то себя, переиначивая смысл слов. Я помню разговор, который у меня состоялся много лет назад с одним священником – почему бы не назвать его имя? – с владыкой Виталием, который стал главой Зарубежной Церкви²⁰. Мы говорили о Боге, о любви в частности, и он высказывался очень резко о всех, кто не разделял его взгляды и мнения. И я ему заметил: «Не призывает ли нас Бог в Евангелии не просто любить друг друга, но любить наших врагов?» Он оживился и сказал: «Безусловно, и я люблю своих врагов, но ненавижу врагов Божьих». Как видите, даже представление о любви можно извратить странным и ужасным образом.

Но существует и другой подход к пониманию любви. Можно сказать, что любовь – это готовность, разумеется, не только теоретическая готовность, а готовность, воплощенная в действии, всей нашей жизнью послужить ближнему. И когда я говорю «ближнему», я не имею в виду человека вообще. Речь идет о готовности уважать конкретного ближнего, служить ему, посвятить ему свою жизнь и даже, если это необходимо, послужить ему своей смертью. Любить всех и каждого без разбору в некотором смысле просто, конкретный человек представляет собой проблему. Те из вас, кто читал Солженицына, возможно, помнят, как в одной из своих книг он рассказывает о персонаже, который любил человечество в целом и поэтому ненавидел каждого человека в отдельности за то, что тот уродливо искажал воображаемый идеал. Мы не придерживаемся таких крайних взглядов, не всегда так остро реагируем, но разве мы не разделяем, в большей или меньшей степени, подобного отношения к людям? Не поэтому ли даже такие понятия, как доброта, любовь к Богу, любовь к человеку, вынуждают нас к глубокому, серьезному и суровому пересмотру нашего душевного состояния и нашего поведения?

Когда мы говорим, что Бог – это любовь, мы не имеем в виду, что Он – одна чувствительность и доброта. Мы ничего не знаем о той любви, которая есть Сам Бог. И все-таки на вопрос, в чем проявляется Божья любовь, ответ мы знаем: Он вызвал к существованию весь мир, и это поставило перед Ним серьезные и опасные проблемы. И самая опасная проблема связана с сотворением человека. Если бы Бог создал человека наподобие механизма, который, будучи приведен в действие, отлаженно работал, то в этом не было бы любви, а была бы изобретательность, возможно, гениальность. Но в сотворении человека и на самом деле во всем творении присутствует трагический момент: каждому человеку Бог дал свободу, право быть собой по собственному выбору, и последствия этого выбора пали на все остальные творения Божьи, повлияли на их ответ и выбор, а также трагически отозвались для Самого Бога. И право, данное человеку, принимать решения о себе, о своей судьбе, о своих отношениях с Богом, с самим собой и с ближним, неразрывно связано с Воплощением Сына Божьего. Воплощение Сына Божьего (я уже приводил это высказывание неоднократно) означает, что Бог принял на Себя плату за предательство человеком своего «я», за предательство им своего призвания, за предательство своего Создателя. И результат этого – Воплощение Сына Божьего, Который стал одним из нас ради нашего спасения.

Любовь, понятая так, – нечто совершенно иное, нежели сентиментальная доброта или дружба. Она означает готовность Бога взять на Себя все последствия Своего творческого акта; но еще и последствия того, каким образом всякое творение Божие распорядится собственной жизнью. Такая любовь трагична²¹. Мы часто забываем то, о чем писал много лет

---

²⁰ Митрополит *Виталий* (Устинов; 1910–2006) – первоиерарх Русской Зарубежной Православной Церкви с 1986 по 2001 г.

²¹ Митрополит Антоний употребляет слово *tragic* в значении, которое связано с его греческим корнем. «Слово “трагедия” происходит от греческого слова, которое значит “жертвенное животное”» (*Митр. Антоний*. Беседы о Символе веры. 1977–1980. Англ., неопубл.). – *Прим. пер.*

тому назад отец Лев Жилле²², французский православный священник: «В Боге присутствует трагедия. Жизнь Святой Троицы сияет славой, верно, но слава эта сияет изнутри трагедии, сквозь нее». Об этом мы забываем, в действительности мы об этом умалчиваем: в Боге присутствует трагедия. Нам зачастую кажется: если так сказать о Боге, то мы принизим Его, сделаем как бы уязвимым, а не великим, всемогущим Богом во славе. Но мы забываем, что слава Божья сияет бесконечно ярче в Его самопожертвовании, чем если бы Он пребывал в невозмутимости безмятежного бытия, наблюдая со стороны трагедию тварного мира. В Боге присутствует трагедия, потому что Он – Бог любви.

Вы можете спросить: разве возможно, чтобы человек стал причиной трагедии для Бога? Разве возможно, чтобы человек оказал воздействие на Бога, ранил Его своим решением? Нет, не совсем так, и это делает ситуацию еще трагичнее, еще серьезнее, потому что трагедия присутствует в самом бытии Святой Троицы. В начале вечерней службы в субботу или под праздник священник становится перед святым престолом и произносит: «Слава Святей, Единосущней, Животворящей и Нераздельней Троице...» – и в момент, когда он говорит эти слова, он совершает кадилом крестное знамение, вписывая крест в провозглашение Святой Троицы. Мы можем поставить перед собой вопрос: как это может быть? И будем не первые: сотни лет тому назад этот вопрос ставил святитель Григорий Богослов²³, и у него был ответ. Его вопрос звучал несколько иначе: почему Бог не арифметическая единица, а Троица? И он говорит: если Бог – это любовь, то Он не может быть единицей, потому что тогда Ему некого любить, кроме Самого Себя. Если бы Бог был двоицей, то Двое любили бы друг друга, и ни для чего больше не было бы места. Они, как супружеская пара, держали бы друг друга в объятиях, смотрели друг другу в глаза, радовались друг на друга и старались исключить все, что может нарушить сокровенность этой единственной встречи. И святитель Григорий продолжает: Бог – Троица, потому что присутствие Третьего разрушает ложное единство, но не просто разрушает. Для того, чтобы один из троих мог безраздельно любить другого, третий должен согласиться отступить и оставаться, если можно так выразиться, в стороне, с тем чтобы двое могли любить друг друга без помехи, без чьего-либо вторжения созерцать друг друга и радоваться друг о друге. Третий должен быть готов отступить и остаться в одиночестве.

Но если Бог – это любовь, то же самое относится к каждому Лицу Святой Троицы, ко всем Трем Лицам одновременно. Двое пребывают в нераздельном единстве, но каждый из них в свою очередь обращается к третьему, к тому, кто принес в жертву их единству само свое существование, и новая двоица становится единой, в то время как третий готов отступить. Это – Бог, в Котором присутствует трагедия, Бог, в Котором любовь и смерть как бы одно и то же, в Котором взаимная любовь означает обоюдную предельную жертвенность. И поэтому, если мы верим в Бога, называемого Святой Троицей, Бога, являющего образ совершенной любви, то нам необходимо отдавать себе отчет, что в Нем присутствует трагедия, и мы должны сознавать, насколько величественна эта трагедия, насколько величественна жертвенность и единение. И я уверен: нам важно не представлять себе Бога, во славе восседающим на троне высоко на небесах, так далеко, что можно только смотреть на Него снизу вверх, воздевать к Нему руки, взывать к Нему, не надеясь когда-либо познать тайну любви и тайну Бога. Мы познаём эту тайну изнутри нашего собственного опыта, потому что в той малой мере, в которой способны любить друг друга, мы – икона Святой Троицы.

Посмотрите на отношения матери, отца и ребенка: родители порой не только готовы пожертвовать, но на самом деле тем или другим образом жертвуют собой ради ребенка. Семейные отношения – всего лишь образ, им нельзя все объяснить, но даже в пределах

---

²² *Архимандрит Лев (Луи) Жилле (1893–1980) – французский богослов, писатель.*

²³ *Свт. Григорий Богослов, Назианзин (ок. 330 ок. 390) – Отец Церкви, богослов каппадокийской школы.*

нашего ограниченного опыта нам известно: если двое любят друг друга, то любовь объединяет их в одно, и в то же время двое размыкают свои объятия, чтобы любить третьего и служить ему. И это – отражение тайны Троицы в человеческом роде, отражение несовершенное, потому что мы слишком далеки от Ее жертвенной, распятой и воскрешающей любви, но кое-что нам о ней известно из опыта отцовства, материнства или семейной жизни. Но также мы узнаём о ней из готовности принести в жертву то, что значительнее собственной жизни.

Кажется, я уже приводил вам пример, как командир послал во время войны на опасное задание своего сына, который был младшим офицером в его отряде. Шансов вернуться живым практически не было, и один офицер спросил отца: «Как вы могли послать собственного сына на смерть?» Отец ответил: «Я мог послать своего сына, но я не мог бы послать чьего-то сына». В этом отражение жертвенной любви Святой Троицы и, одновременно, слава Господня и слава людей, которые оказываются способными так поступать. Бог и человеческий род странным, непостижимым образом подобны друг другу. Человеческий род находится в становлении, он еще не достиг зрелости, да, это верно, но в своей основе, по существу, не только Церковь, но и все человечество в совокупности – икона Бога Единого в Троице. В первую очередь это относится к святым, в меньшей степени к реальной ситуации в Церкви, не к тому, что Церковь представляет собой по сути (потому что Церковь – это область, где Бог и человек пребывают вместе, в единении, составляют одно целое), а ко всему человечеству и каждому из нас, находящемуся в становлении. В этом нам важно отдавать себе отчет. Если взглянуть на историю человеческого рода, то мы увидим в ней и свет, и тьму, потому что мы несовершенны, не стали еще чистым и совершенным образом Бога Единого в Троице, но в каждом человеке присутствует нечто от этого образа в той мере и в зависимости от того, как он относится к своему ближнему и ко всему человечеству в целом.

В Ветхом и Новом Завете Бог обращается к нам на понятном нам языке, и это чрезвычайно важно сознавать, потому что Евангелие не просто сообщает истину, но выражает ее в доступной нашему пониманию форме. И здесь я хотел бы сделать отступление.

В Евангелии, как и в Ветхом Завете, есть много притч. Для нас притча – сравнение, образ, но значение этого слова гораздо богаче. В английском языке для обозначения притчи используется слово «парабола»²⁴. Те из вас, кто немного знаком с математикой, знают: парабола – своеобразная геометрическая фигура. С ее помощью можно попытаться разобраться в том, что представляют собой словесные притчи-параболы. Я постараюсь напомнить, что такое парабола в геометрии. Возьмем окружность. У нее есть центр. Если надавить на окружность с двух сторон, она превратится в эллипс, у которого вместо одного центра будет два, потому что каждая из двух половинок, образующих эллипс, имеет свой центр. Если продолжать давить на стороны эллипса, он лопнет, и линия в месте разрыва разойдется влево и вправо. И тогда один центр останется внутри фигуры, а второй переместится в бесконечность. В притчах-параболах древних сказаний, Евангелия, Ветхого Завета меня поражает то, что нам дается образ, вписанный в центр небольшого полукруга, в котором мы живем, и по мере того как мы растем духовно, набираемся опыта и ума, мы можем двигаться все дальше и дальше как бы в поиске второго центра, который переместился в бесконечность. Любая притча Евангелия или Ветхого Завета, а также притчи, передаваемые сквозь века, имеют понятные и простые сюжеты. Но, по мере того как мы вращаемся в них, по мере того как духовно созреваем, по мере того как все больше и больше приобщаемся мудрости, которая создала этот образ, мы начинаем выходить за пределы самого образа. При этом образ не теряет своей достоверности, но истина, заключенная в нем, предстает в необычайной красоте.

²⁴ Парабола – происходит от др.-греч. *παραβολή* – «сравнение, сопоставление, подобие, приближение».

Я хотел бы закончить беседу тем, что свяжет ее со следующей. В дополнение к сказанному о притчах вспомним замечательную мысль о. Сергия Булгакова о том, что начало Книги Бытия – это не история, а метаистория²⁵. Оно рассказывает нам языком падшего мира, нашим языком, о тайнах мира, существовавшего до падения. И поэтому то, что написано в начале Книги Бытия, – правда, но, помимо подлинных фактов, о которых нам сообщается, в нем есть иное измерение. Об этом мне хотелось бы поговорить в следующей беседе, потому что мы привыкли читать начало Книги Бытия, ее первые 4–5 глав, как будто они – простое историческое описание, набор фактов, тогда как за ними стоит нечто большее, и на них существует бесконечное число толкований, которые не всегда совпадают друг с другом. Обычно в катехизисе и в книгах для детей и взрослых преобладает одна общепринятая точка зрения. Нужно ли нам рассматривать другие точки зрения, не отвергая основную, но принимая во внимание, что возможны разные подходы? Я к этому вернусь в следующей беседе.

Простите, что я говорил так медленно и утомил вас больше, чем обычно, но я не уверен, что смог бы провести эту беседу по-другому. В последующих беседах я продолжу говорить о понятии метаистории применительно к началу, к первым четырем главам Книги Бытия, и введу несколько новых положений, о которых никогда не говорил раньше.

---

²⁵ См.: *Протоиерей Сергий Булгаков. Невеста Агнца. О Богочеловечестве*. Ч. III. Париж: YMCA-Press, 1945. С. 184.

5. Метаистория ²⁶

Как вы знаете, главной темой этой серии бесед является вопрошание, а вопрошание включает и сомнение, и преодоление сомнений и недоумений, которое порой достигается только актом веры. В таких случаях мы говорим: «Сейчас у меня нет ответа на вопрос, но, зная Бога в свою малую меру, я могу Ему доверять и поэтому буду строить свои действия на доверии, пока не созрею, не вырасту духовно, не наберусь жизненного опыта и знания настолько, чтобы понять то, что сейчас находится за пределами моего понимания». И это естественный подход, он по праву применяется во всех областях человеческого знания. С его помощью мы узнаем об обычной человеческой жизни, получаем образование в школе и университете, решаем житейские проблемы. И когда мы оказываемся лицом к лицу с Богом, от нас требуется тот же подход – готовность, порой героическая, доверять Ему вопреки очевидности. Эти слова – «вопреки очевидности» – звучат почти кощунственно, но порой окружающая нас действительность настолько ужасна, настолько страшна, что у нас может родиться вопрос: «Как Бог допускает подобное? Какова Его ответственность в этом?» – потому что допустить в некотором смысле равносильно тому, чтобы согласиться с происходящим. И этот вопрос я хочу поднять сегодня. Возможно, моя беседа покажется неясной, потому что я буду говорить о том, что старался понять, но пока не понял в достаточной мере.

---

²⁶ Беседа 17 января 2002 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.